

Власть и преступность в современном государстве

Криминологический подход к проблеме власти

Комфорт Алекс

1950

Оглавление

Правонарушитель как гражданин	4
Правонарушитель как эмоциональная отдушина	6
Формы терпимой преступности	9

В нашей собственной культуре и в тех обстоятельствах, при которых возникло изучение преступности с точки зрения психологии, мы имеем дело с результатом этого процесса, отличающимся от более ранних его стадий. В настоящее время мы вынуждены противостоять не столько самому правонарушителю, чьи успех и энергия подавляют противодействие, сколько широко распространённому встраиванию преступных моделей поведения в современные нам структуру и механизм общества. Экономическая и политическая власть распространялась вместе с цивилизацией, а цивилизация выросла со времён промышленной революции, преимущественно за счёт «биоцентрических» элементов. Законы и управление, быстро трансформируясь перед лицом стремительно сменяющих друг друга событий и сдвигов в балансе политических сил, начали вытеснять традицию и обычай. Тирании, вызывавшие такую тревогу и возмущение у Западного либерализма, за последние годы получили даже больше власти принуждать, чем это было у местных вождей в небольших сообществах, так как они оказались сравнительно не ограниченными обычаями и получили возможности форматировать и видоизменять верования и обычай в беспрецедентном масштабе. Нам следует признать, что централизованные городские культуры, включая и нашу собственную, подошли к моменту детального выбора типов индивидуального преступления, при иных обстоятельствах неразличимых, которые они будут, с одной стороны, терпеть или поощрять, а с другой — осуждать и карать. Рамки законов, определяющие преступление, больше строго не ограничены нравами общества или превалирующих в нём групп, в то время как само общество хотя и чувствует для себя угрозу от роста индивидуальной преступности, в своём существовании стало зависеть от притока того самого типа граждан, от которых можно ожидать криминальных действий. В подобном обществе у преступника возникает намерение стать свободным одиночкой, правонарушителем без лицензии, которому не хватило умения, удачи или возможности, чтобы выразить свою склонность к нарушениям в рамках структуры власти.

Правонарушитель как гражданин

Как правило, самые современные исследования сходятся в том, что антиобщественное поведение индивидов закладывается в детстве. Если какое-либо общество обнаруживает, что производит нарушителей в необычайно большом количестве, то причины такого роста чаще всего усматриваются в факторах жизни сообщества, негативно влияющих на семью или на принятые родителями методы воспитания. В какой-то момент, который может наступить как в детстве, так и позднее, человек, имеющий подобные изъяны в воспитании, сталкивается с проблемой взаимоотношений с остальными членами общества. Некоторые культуры обладают большими способностями ассимилировать таких людей, чем прочие. Ассимиляционная сила нашей культуры с точки зрения её способности к окончательному урегулированию конфликтов и «излечению» сравнительно невысока. Однако все эти потенциальные нарушители ни в коей мере не становятся автоматически врагами общества. Централизованные общества сталкиваются со значительными сложностями, пытаясь исправить своих заблудших членов, но при этом обладают удивительной способностью абсорбировать их, не меняя коренным образом.

Выбор, стоящий перед правонарушителем, ищущим выход для своих преступных наклонностей, — это выбор не между борьбой с обществом и переделкой себя под воздействием традиций и нравов этого общества. Это выбор между дозволяемым правонарушением и не дозволяемым. Ключевым фактором, делающим любое явное действие «правонарушением», является притязание субъекта действия на правовести себя, не считаясь с остальными. Он может совершить ограбление или убийство, приняв их последствия, или же может найти место в социальной структуре, дающее ему лицензию при определённых ограничениях беспрепятственно воплотить свои притязания. Возможности для такого принятого и приемлемого правонарушения практически полностью находятся в рамках структур власти. Если у правонарушителей в таких режимах, как нацистская Германия, есть своё очевидное место, то в структурах любого другого сообщества, где принуждение является допустимой частью общественных институтов, у них есть скрытое место. Сам «выбор», разумеется, является почти целиком случайным. Преступник становится преступником в основном из-за своих возможностей, контактов и в силу случайного столкновения с законом ещё в начале своей карьеры. Если отклонение в поведении такого субъекта затрагивает собственность, то едва ли он сможет выразить его в допустимой форме. Если же оно в основном касается личных взаимоотношений, это ему будет вполне под силу.

После того как изначальный выбор сделан, человек, который находит способ увязать свою антисоциальность с обществом, может сделать это двумя путями. Если у него есть какая-то способность к «принятию» дисциплины, то в современном обществе существует множество занятий (почти все из которых связаны с исполни-

тельной стороной власти), дающих ограниченную лицензию на причинение боли или на судебный произвол, причём эти занятия обязательны при современном укладе жизни. Или же его девиантное стремление может удовлетворяться приватно, пока не дойдёт до той стадии, когда этот индивид, став законодателем или авторитетом общественного мнения, сам сможет вписать его в жизнь своей культурной общности. Сама по себе машина власти есть во многом механизм, при помощи которого такая ситуация становится возможной.

Вероятно, было бы справедливым утверждать, что наиболее серьёзной проблемой современной криминологии является необходимый и лицензированный правонарушитель. Существование на национальном и персональном уровне правонарушений такого рода, а также то влияние, которое оказывают на обстановку во всём обществе психопаты, в настоящее время становится более серьёзной угрозой для личной безопасности, чем обычная преступность. В некоторых случаях, как во времена расцвета чикагских гангстеров или в нацистской Германии, происходит неприкрытый взаимообмен между этими двумя категориями — в социальных демократиях внимание общества в большей степени направлено на вторую категорию, однако главную угрозу выживанию несёт первая. Эта угроза распространяется как на культурные и экономические блага централизованного общества, так и на будущее науки. И если, разбираясь с отдельным преступлением, в наши дни целенаправленно прибегают к научной психиатрии, то таковая непременно должна быть широко задействована и при изучении некриминальных форм правонарушений, от которых уже стали зависеть структуры централизованного общества, поскольку как спрос, так и предложение на правонарушителей можно рассматривать как продукт этого общества. Осуждённые преступники в определённой степени являются не столько устранимым побочным продуктом нашей культуры, сколько порочным переизбытком одного из её производителей.

Правонарушитель как эмоциональная отдушина

Помимо рассмотренной выше функции, которую правонарушители и потенциальные правонарушители могут исполнять в институтах современных обществ, у них есть, в силу их статуса изгоев и преступников, и вторая функция, которую можно обоснованно считать даже более важной. Райвальд (1949) привлек внимание к рассмотрению преступника и его наказания во многом как к блуждающей и подавляемой агрессии цивилизованной публики. Он разделяет преступления на «удовлетворяющие» и «неудовлетворяющие». «Удовлетворяющее» преступление эмоционально заряжено и служит хорошей почвой для большого количества криминальной и детективной литературы: убийство, тема детективного рассказа, и сексуальное преступление, тема репортажа в воскресной газете, — вот основные «удовлетворяющие» преступления. Растрата, мошенничество и всевозможного рода «махинации» эмоционально «не удовлетворяют» — они не совпадают ни с одним из наших более или менее значимых представлений о вине. Преступник, в особенности «удовлетворяющего» типа, более или менее атавистический, чьё наказание снимает вину с читателя и зрителя, в такой степени и «нужен» обществу. Райвальд сомневается в возможности современных обществ отказаться от представлений такого рода, не прибегая к другим, более разрушительным.

Консервативный взгляд на наказание и на закон воспринимает решительные и устрашающие утверждения в современных уголовных кодексах буквально и тем самым явно недооценивает ритуальные и магические элементы в развитии общественного восприятия преступности. Многие из поразительных расхождений между очевидными намерениями закона и теми методами, к которым он прибегает, объясняются пережитками подобного рода. В первобытных обществах человек, нарушающий закон, имел особый магический статус. Преступник, по сути, поддаётся тем порывам, которыми в своих фантазиях развлекается большинство в его культуре и которые считаются источником вины. Делая это, он предлагает себя самого в качестве жертвы ради менее возбудимых или более зажатых членов общества, выражаяющих ему подобающую признательность. В этом смысле идея проклятого как спасителя и экзорциста гораздо древнее, чем её использование в христианском символизме. Как утверждалось, так и отрицалось, что наказание, как оно понимается нами, неизвестно в большинстве первобытных культур — казнь преступника, способная принять и форму самоубийства, это не столько наказание, сколько экзорцизм, очищающий эффект которого распространяется на всё общество. В рамках такого акта преступнику действительно могут даже аплодировать за то, что он стал козлом отпущения для тех, кто совершает преступления в уме.

Остатки первобытного подхода такого рода, безусловно, присутствуют в современном праве, хотя их не всегда легко вычленить. Райвальд указывает на практику, просуществовавшую в Англии вплоть до последнего столетия, когда осуждённого считали животным (и помещали в коровью шкуру), и на тенденцию цивилизованных государств рассматривать судебные заседания и казни как форму празднеств. Даже головной убор медика, который надевает на свою голову современный судья, оглашая смертный приговор, имеет долгую и выдающуюся антропологическую историю. Заинтересованное, восторженное или оргиастическое отношение публики к её узаконенным врагам по меньшей мере настолько же амбивалентно, как и у любой первобытной культуры. Подобные связи с преступником как благодетелем общества делают возможным понимание другой формы терпимой преступности, формы сурowego или тиранического первобытного монарха. Он, подобно приговорённому, является магической фигурой — тем, кому дозволено, и тем, кто приносится в жертву ради ритуальных благ всего сообщества в конце своего срока правления. Монарх и приговорённый нарушитель закона в какие-то моменты истории общества оказываются взаимозаменяемыми. Преобразование цареубийства в правление происходит как бы на сцене, где дублём, казнимым вместо монарха, фактически являлся осуждённый преступник. По словам Райвальда: «...преступник без оглядки на общество стремится к неудержимому инстинктивному удовлетворению. В точности такое же стремление характерно и для вождя племени. Именно его положение хочет достичь преступник, пренебрегающий общественными табу, — и по этой причине подсознательное приобретает для него такое возвышенное значение».

Помимо всех аналитических или исторических соображений, кажется очевидным, что в современных централизованных культурах нарушитель закона и правитель действительно занимают противоположные концы единой эмоциональной оси. Оба они являются козлами отпущения для необъявленных актов агрессии индивида: к обоим относятся с заметной терпимостью в случаях дискомфорта и повреждений, которые они могут причинить сообществу в силу своего положения. Предположение Райвальда о том, что такое отношение к преступности в обществе отчасти возникает в силу необходимости её поддерживать и, карая её, достигать эмоциональной разрядки, выглядит хорошо обоснованным. В случае правителей-угнетателей весь этот процесс оказывается более осознанным. Терпимость к тирану, вопреки тем страданиям, которые он причиняет, нередко возникает из того факта, что он становится точкой концентрации агрессивных фантазий в народе, независимо от того, отождествляют ли они себя с ним или реагируют на него ненавистью. Демократические правительства, подобно преступникам в демократических обществах, также служат козлами отпущения для народа. Правители избавляют нас от наших неудовлетворённостей при помощи нашей безответственности, а наказание преступников и то неодобрение, которое мы им выказываем, разряжают нашу тревогу из-за стремлений, которые мы разделяем с убийцей или насильником. Без большого объёма фактических знаний неразумно чрезмерно увлекаться концепциями такого рода, однако современные исследования психосимволизма и истории взаимодействий правителя-жертвы и преступника-жертвы слишком вызывающи, чтобы целиком их игнорировать. С точки зрения общества эти две функции могут сливаться. Правитель и преступник, по их же собственным личным взглядам, могут олицетворять раз-

деление между теми, кто стремится выплеснуть агрессию, открыто сопротивляясь обществу, и соглашаясь с тем наказанием, которое это сопротивление включает, а иногда активно (подсознательно) желая его, и теми, кто стремится высвободить те же самые агрессивные стремления, становясь контролёрами или хранителями совести общества, формируя его по своим собственным меркам.

Формы терпимой преступности

Терпимые правонарушители в централизованных культурах находятся на двух различных уровнях. Они способны внедряться в механизм законодательной и политической власти и контролировать его, будучи высокопоставленными политиками и правителями. Как правило, в ещё большем числе их можно встретить в составе исполнительных органов, вклинивающихся между должностным лицом и гражданином. Нашим принятием существования и роли этих терпимых правонарушителей, а также их способности причинять вред мы обязаны подъёму тоталитарных государств, однако возрождение преступности и военной тирании как социально приемлемых линий поведения в цивилизованных государствах привело и должно приводить к пристальному изучению подобных механизмов внутри социальных демократий.

Социальная демократия была изобретена (по крайней мере в том виде, в каком она развилаась как определённая продуманная система) с целью ограничить возможные злоупотребления властью её представителями. Полномочия самих представителей появились в результате общественного недовольства безответственным правительством. Таким образом, говоря языком либеральной теории, социальная демократия должна всесторонне гарантировать защиту от захвата власти преступными индивидами или группами. Конституция Соединённых Штатов специально оформлена так, чтобы эта цель была заметна. Однако гарантии, предоставляемые конституциями и теориями управления, упускают из расчётов куда более значимые эффекты, оказываемые на общество экономическими и социальными силами, которые не смогли предвидеть теоретики. Демократия подвержена рискам, с которыми сталкивались и другие общества — рискам от амбиций энергичных и беспринципных личностей, а также от чрезмерной концентрации власти, но есть у неё и свои собственные риски. Число претендентов на политическую власть при монархии ограничено кругом военных руководителей и знати, которые могут надеяться на успех при узурпации; чем шире критерии для поста, тем больше конкуренция. Демократические сообщества, в особенности в своих централизованных формах, дают шанс на попадание в сферу государственных дел многим агрессивным людям, чьи амбиции в ином случае могли бы ограничиваться лишь локальными вопросами. Более того, реальный контроль, который делегированные правители осуществляют над жизнями простых граждан, оказывается ещё более эффективным и доскональным, чем даже тот, о котором могли помыслить древние монархи, а сам факт делегирования в некоторой степени ограничивает сопротивление народа такому контролю. С ростом урбанизированного общества и расширением области и пределов администрации высокопоставленные политики получили ресурсы силы и убеждения, и это не встречало сколько-нибудь значимого организованного сопротивления, за исключением периодов экономических спадов или распространённой нищеты.

В то же самое время концентрация населения и политических функций в городах привела к постепенному расширению размеров и пределов действия механизмов принуждения. Эти организации постепенно обретали автономное функционирование, которое может быть свободным от контроля как политической элиты, так и народа. Городская полиция сыграла важную роль в конфликтах вокруг политических партий и в установлениях диктатур. Можно вспомнить, что римская конституция предусматривала специальные и спланированные проверки использования армии для принуждения внутри страны на основании различия между *imperium domi* и *imperium militae* *, а военные командиры обычно лишались власти в пределах города. Уникальная череда императоров-психопатов в поздней истории Рима была почти в каждом случае обязана своей властью самовольным действиям принуждающих частей армии (императорских телохранителей), которые часто набирались из иностранных наёмников или имели их поддержку. В этом случае исполнительная власть была в физическом и буквальном смысле чужой, инородной для нравов и установок римского общества. Слом этой системы последовал после появления среди исполнительной власти достаточно мощных и амбициозных претендентов для разделения между ними центральной власти.

При этом либеральная теория западных демократий почти или даже совсем не имела влияния на планы их биологического роста. Централизация повлекла колоссальные изменения, многие из которых стали решающими для статуса семьи и безопасности личности и не были нейтрализованы техническими достижениями. Хэллидей привлёк внимание к растущей значимости культурно наследуемой тревоги в таких обществах. Исторические свидетельства, взятые из судьбы более древних городов-государств, отошедших от своих биологических основ, далеки от того, чтобы быть убедительными. Нарастающие тенденции к страху, опасности, а также курс на войну в таких демократических культурах становятся постоянными характеристиками, их можно обнаружить и в нашей собственной. Мамфорд уже продемонстрировал пугающе реалистичную картину процессов дезинтеграции в городских агломерациях — в этих условиях развитие психопатий приобретает масштаб пандемии: вина и её проекции в военной агрессии могут стать в демократических и традиционно пацифистских культурах даже более заметными, чем в более устойчивых авторитарных. Эффект, оказанный на современное американское сознание атомными бомбами, был более значимым, чем для немцев эффект от военного поражения. Либеральные гарантии в современной социальной демократии оказываются всё более вынуждены противостоять факторам, никогда не приходившим в головы её изобретателей. Осуждаемые современными либералами тоталитарные режимы, на которые те проецируют свои собственные чувства вины и тревоги, являются конечными продуктами похожих процессов в тех культурах, где сопротивление было ещё ниже в силу традиции или стечения обстоятельств.

В аристократических олигархиях члены правительства набирались по праву наследования из правящей касты и периодически пополнялись из нижестоящих слоёв за счёт браков и появления новых, самостоятельно продвинувшихся дворян. Управление было одной из многих функций, осуществлявшихся этим классом. В централизованных демократиях управление — это профессиональное занятие, притом обычно исключающее совмещение с другими формами деятельности. Следователь-

но, оно должно конкурировать с другими занятиями равного достоинства и статуса за необходимых для работы сотрудников. Руководство современной политической партией не предлагает ни экономических, ни интеллектуальных стимулов, превосходящих стимулы, предоставляемые технологиями, профессиями или более высоким положением в администрации на гражданской службе — её привлекательность для отдельного человека, вероятно, зависит в основном от предлагаемых ею возможностей изменить жизни других. Механизмы принуждения, полиция и тюремные службы в прошлом могли набирать к себе людей в силу ассоциации личной безопасности с работой на государственной службе. Многие годы служба в полиции или армии была единственным респектабельным занятием, дающим право на пенсию, на что могли претендовать представители рабочего класса. Такого положения больше нет. Рост социальной защищённости и повышение стандартов уровня жизни в целом упразднили их привлекательность. По сравнению с другими занятиями, у работы в службах принуждения плохая оплата и более жёсткая дисциплина. Здесь, как и в органах законодательной власти, при поступлении всё более важную роль играет, по всей видимости, осознанный выбор. Таким образом, в централизованных обществах есть тенденция набирать персонал для подобных занятий в основном из числа тех, кто более всего озабочен страстью к власти, к полномочиям контролировать и направлять других. В случае будущих политиков подобные устремления могут происходить из высокоразвитого политического и общественного чутья, с той же вероятностью их источником может быть и плохая приспособляемость и глубоко укоренившееся стремление к самоуверенности и доминированию. В социальных демократиях существует лакуна между индивидом, желающим получить должность, и должностью, которую он желает, между механизмами избрания и механизмами партийной системы, включая и необходимость побуждать многочисленные электораты с разным уровнем интеллекта поддерживать кандидата при голосовании. В таком процессе прямота и альтруизм могут оказаться в проигрыше по отношению к коварству и эгоистичным амбициям. Более того, в то время как альтруизм и социальный идеализм могут найти готовые выходы для себя в других областях деятельности, например в научных исследованиях, медицине, религии или социальной сфере, все из которых обладают достаточным интеллектуальным и общественным престижем, централизация власти неизбежно привлекает к административному центру тех, для кого власть сама по себе является целью. Жажда успеха посредством богатства или успеха посредством славы и почёта более адекватно удовлетворяется в других сферах общества, и хотя политической власти возможно достичь другими путями, эта жажда остаётся превалирующим признаком правления в современных городских культурах.

Рассуждения подобного рода могут служить констатацией, скорее, возможного риска, нежели реального положения вещей в психологии английской политики в настоящее время. Число амбициозных и непорядочных людей в любом сегодняшнем парламенте, вероятно, не выше, чем в предыдущие периоды, когда условия были иными. Однако другие факторы, помимо тех, что связаны с политикой партий, в любое время могут вмешаться с целью привести посредством выборных технологий на ту или иную должность психопатов или группы, которые станут вести себя противоправно, будь это их долгожданной целью, объектом внимания и выражением

сдерживаемой общественной тревоги и фрустрации, или же посредством разрушающего влияния, которое обширная власть, изоляция и кризис могут оказывать на колеблющихся личностей. Стандарты членов парламента Великобритании, а также общества в ходе межвоенной депрессии и Второй мировой войны претерпели значительные изменения. Вопреки этим переменам и давлению, оказываемому современным правительством на изначально общественно активных людей, институциональные меры безопасности едва ли окажутся эффективными.

Более того, что бы мы ни считали нормой неприкосновенности частной жизни и как бы полно этот стандарт не поддерживался английскими политиками, существует резкое разделение между личными качествами и публичной политикой. Это разделение характерно для сегодняшнего политического сумасшествия, когда явно порочная публичная политическая деятельность может сочетаться с примерным поведением в частной жизни. Предположение, что те, кто отдаёт приказы совершать мошенничество, бойни или депортации, должны непременно быть преступниками или садистами в своих частных взаимоотношениях, не поддерживается теорией или данными наблюдений. Когда такие действия явно безумны, нормальность тех, кто их совершает в других сферах деятельности, не более убедительна, чем та внешняя адаптация, которую нередко демонстрируют преступники вне своего специфического расстройства поведения. Представляется бесспорным, что интенсивная нагрузка и другие аспекты современной политической деятельности оказывают очевидное влияние на побуждения к преступному поведению у людей, которые при иной ситуации не проявляли бы его. Сомнительно, был бы Гитлер активным преступником, если бы не получил свою должность, несмотря на его безусловно ненормальную природу.

Обсуждая эти феномены в их нынешнем контексте, можно ссылаться на историю, но очевидные причины препятствуют публикации исторических расследований или оценок ныне живущих личностей. В любом случае, следует отказаться от долгосрочной диагностики умственной ненормальности у человека, известного лишь по своим высказываниям. Но вряд ли мы не заметим релевантность психиатрической классификации политической сцены последних двадцати лет. Тот факт, что ненормальные люди существуют и достигают власти, в рамках политической системы не является сам по себе её осуждением. То же самое относится и к другим сферам деятельности. Можно сформулировать важнейшие суждения, на основе которых надо строить оценку современного государства: во-первых, привлекает ли оно психопатов избирательно; во-вторых, является ли само стремление к власти демонстрацией провинности у некоторых или у всех, кто его демонстрирует; и, в-третьих, увеличивают ли и побуждают институциональные модели ненормальные склонности у руководителей государства? Чтобы дать ответ на эти вопросы, мы должны рассмотреть проблему с другой её стороны и изучить типы руководства, которые существуют в современных демократиях, а также их совместимость с устоявшимися социальными отношениями.

Всякая классификация общественной провинности должна включать в себя большинство, если не все из известных проявлений расстройств поведения, поскольку преступное поведение может возникать в широком наборе условий. Всё больше признаётся тот факт, что отнюдь не все правонарушители и тем более не все преступ-

ники могут быть признаны имеющими психические отклонения. Наша важнейшая проблема — «не-нормальный и не-ненормальный» индивид. Однако некоторые явные примеры нестабильности психики являются довольно частыми причинами антиобщественного поведения. Органические психозы в силу их медленного развития в ранее нормальных личностях легко приобретают общественную значимость — едва ли шизофрения в своих крайних формах совместима с политической активностью, хотя такое случается в случаях с влиятельными религиозными или квазирелигиозными пророками. Маниакально-депрессивные психозы совместимы с активным и внушительным участием в общественной жизни — они могут негативно влиять на рассудительность, особенно в своих умеренных формах, не будучи замеченными пациентом или его коллегами, а циклическая депрессия в критических точках, как утверждают, вызывала провалы кампаний. Параноидные, истерические и навязчивые модели поведения, вероятно, также имеют очевидную общественную значимость: однако наиболее существенными в плане современной политики являются различные психопатические личности, ещё не доходящие до психоза, но уже безусловно страдающие неврозами. Даже человек с крайней степенью умственной неполноценности благодаря своей беспрекословной преданности, а также и «нравственно неполноценный», но не окончательно опустившийся человек могут занимать определённые должности в структуре общества.

Неадекватный психопат может дрейфовать в сторону преступления, но гораздо менее вероятно, что этот дрейф приведёт его к занятию должности, поскольку дрейф — неудовлетворительный способ продвижения по службе в конкурентном обществе. Там, где он несёт ответственность, будучи нейтральной третьей стороной между агрессивными оппонентами, уравновешивающими один другого, как это бывает в профсоюзе или на национальных выборах, он может набрать популярность, прославив покладистым, гениальным и внешне общительным человеком, чья безмятежность и эмоциональная тупость могут быть приняты за глубину ума. Будучи неспособным совладать с кризисами или неудовольствием среди коллег, от которых он зависит, и которые, возможно, ему льстят, в неотложной ситуации он может бешено стараться наладить контроль или отвечать агрессией загнанного в угол кролика. За последние годы несколько подобных персонажей промелькнуло на политической сцене, при этом срок их жизни при демократических порядках был, пожалуй, дольше, чем при тираниях, поскольку они оказались не столь предсказуемы, как их правоверные приспешники.

Агрессивный эгоцентрик — вот куда более типичная фигура в политической борьбе. Антиобщественная сущность подобных субъектов заключается как в их мироощущении, так и в нескрываемом поведении — они тщеславны, амбициозны, деспотичны и нетерпимы.

Это не только вопрос степени, которая отделяет нормальное от ненормального, но и того факта, что эмоциональная нестабильность и неспособность извлечь выгоду из опыта делают поведение агрессивной, эгоцентричной психопатической личности непредсказуемым, ненадёжным и часто опасным. Качества, которые требуют твёрдого руководства, если вы рассчитываете на успех, оказываются неконтролируемыми и действуют во вред как самому человеку, так и обществу.

Люди такого типа, обладающие средствами управления и высоким интеллектом, легко продвигаются к господствующим постам — они прирождённые боссы, для которых статус неоспоримого лидера является главной целью в жизни. В других случаях целью может являться достижение высоких позиций в бизнесе из корыстных побуждений, при условии, что недобросовестность этих личностей и их некритическая оценка собственных возможностей не приведут к неприятностям. Наступление тоталитарного порядка значительно расширяет радиус беспорядочного поведения такого типа, вполне совместимого с высокими политическими должностями, — эгоцентрик, способный достаточно приоризоваться к вышестоящему и более успешному эгоцентрику, будет весьма высоко цениться за свою тупость, отсутствие сентиментальности и агрессивное отношение к нижестоящим.

Люди, отклоняющиеся в этическом отношении, характеризуются полным отсутствием или серьёзным повреждением чувства моральной ответственности, которое может сосуществовать с острым интеллектом и кажущейся разумной, внушающей доверие внешностью, становятся опасными и неумолимыми преступниками, но в основном предпочитают действовать в одиночку и в качестве политических фигур скорее возникают на гребне волны революционного насилия, чем в ходе нормальных выборных процедур; одно лишь пренебрежение к моральным стандартам ещё не является достаточным поводом для включения кого-либо в эту группу, а случаи реальной нравственной отсталости достаточно редки. По крайней мере некоторые из них являются результатом органического психоза — тогда как другие рассматривались как конституционально ненормальные. Бывали случаи, когда подобные личности получали наследственный или даже выборный пост — такой диагноз некоторые исследователи ставили императору Калигуле.

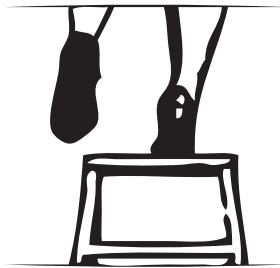
Среди этих типов агрессивный и стяжательский безоговорочно являются самыми вероятными для плетения интриг и занятия высоких должностей. Границы, в пределах которых они способны это делать, зависят от модели общества. На ранних стадиях индустриализации преобладал стяжательский тип психопата, обнаруживший для себя готовое свободное пространство посреди экспансии промышленности, коммерции и финансов. Его появление, по сути, стало знаком для принятия первых законов, призванных дать гарантии его финансовым жертвам, а позднее также и законов о контроле за условиями занятости в промышленности. Увеличившиеся возможности корыстных правонарушений в централизованных обществах форсировали расширение политического контроля вплоть до этого предела. Изменения в институтах и экономическом положении Британии уже серьёзно уменьшили эту возможность. Умышленные правонарушители стяжательского типа, вероятно, нашли для себя более подходящий выход в преступлениях или граничащих с преступными действиями, и денежные выгоды политики едва ли для них привлекательны. Однако здесь, как и бывает обычно в таких случаях, финансовый успех — это скорее средство, а не цель сама по себе, и его достижение мотивировано желанием наслаждаться властью и безопасностью, сопровождающей богатство, бухгалтерская оценка здесь, скорее всего, не к месту. Власть в своей тоталитарной форме казалась обеспечивающей адекватные награды для удовлетворения и тщеславия, и жадности — медали Геринга и его коллекция картин, по сути, относятся больше к попытке бахвальства,

нежели к алчности скопидома. Стяжательство ради самого стяжательства — это, вероятно, сравнительно редкая форма преступности.

В послевоенном английском обществе психопаты власть-стяжающего типа, по всей видимости, процветают на периферии органов власти, скорее, в качестве посредников и агентов влияния, нежели как законодатели внутри них. В Америке сохраняется прежняя модель конкуренции бизнеса, и эгоцентричный психопат стал моделью для широко распространённого национального мифа об успехе. В силу своего героического статуса подобные личности могут вмешиваться в политику для гарантирования своих интересов или удовлетворения своих амбиций с большей лёгкостью, чем это возможно в Британии, где общество относится к ним с меньшим пнитетом.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Комфорт Алекс

Власть и преступность в современном государстве

Криминологический подход к проблеме власти

1950

Пер. с англ. В. Садовского по: Comfort A. *Authority and Delinquency in the Modern State: A Criminological Approach to the Problem of Power*. London: Routledge & Kegan Paul, 1950

ru.anarchistlibraries.net